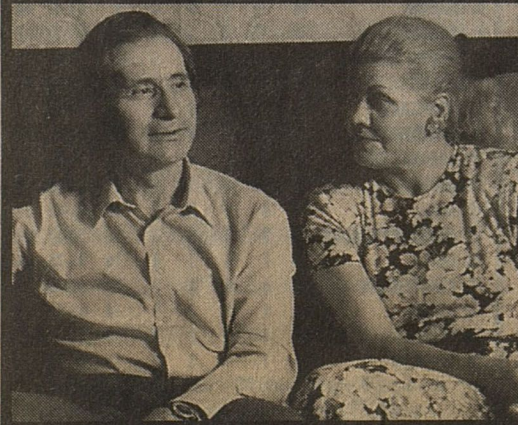

Подобные жизненные истории покоряют своей безыскусностью и как бы предопределенностью. Слово разыграны по нотам... Она отказалась от своей карьеры в пользу его таланта. Он без лишних восторгов и умилений принял этот дар. И вскоре мир узнал его как одного из самых гениальных композиторов XX века. **Альфред Шнитке принадлежит к числу тех немногих счастливиц, к которым признание пришло еще при жизни. Благодаря ей? В том числе. В нотных записях это не обозначено. Ирина Шнитке живет в Гамбурге, но так часто перемещается из одной точки в другую, что, можно сказать, нигде и не живет. Существует в своем собственном пространстве, словно следуя за тенью умершего мужа: концерт его памяти в Америке — она летит туда, в Германию — берет обратный билет. В эти дни в Москве проходит фестиваль Шнитке, поэтому Ирина в столице. Она не расставалась с мужем, когда он был жив, не рассталась и после его смерти. И об их отношениях Ирина рассказывает так, как будто все это было только вчера...**

Ирина Шнитке утверждает, что не уводила мужа от первой жены

СИМФОНИЧЕСКИЙ БРАК

— Ирина Федоровна, ваша любовная история начиналась с восхищения ученицы перед маэстро?

— Скорее наоборот. Я не поступила в консерваторию. Получила пять по специальности (играла я хорошо) и двойку по гармонии. Не любила этот предмет, прогуливала...

Мне посоветовали брать уроки у Альфреда Шнитке. Я пришла к нему домой, он жил тогда в коммуналке в небольшой комнате с женой, тещей и бабушкой жены. Альфред выходил ко мне всегда такой начищенный, наглаженный. Про его жену говорили, что она довольно красивая, но я этого как-то не рассматривала. И когда возвращалась домой с занятий, все думала, как странно, что такие неподходящие друг другу люди живут вместе. Она казалась гораздо старше его, грузной, тяжелой. Это, видимо, был случайный брак. Я знаю, что он со дня свадьбы начал думать о разводе. Она женила его на себе обманом, сказала, что беременна, и он попался самым пошлым образом.

Занятия наши продолжались месяца два. Потом он как-то вышел меня проводить и предложил сходить на концерт. Про себя я подумала: "Что ж ты мне предлагаешь на концерты ходить, а сам женатый?" Но вслух этого не сказала. А он в тот же момент уловил мою мысль и ответил: "Пусть вас не волнует мое положение, я сегодня же перебежу к родителям". Как позже рассказывала мне свекровь, вечером он перевез свои вещи.

Но меня это не убедило. Я решила не видеться с ним. Уроки прекратились.

Я не собиралась его уводить... потом, конечно, спрашивала, что его подтолкнуло уйти от первой жены, он ответил, что я, конечно, сыграла свою роль, хотя он давно уже принял такое решение. А я вообще замуж не собиралась, хотя у меня складывалось так, как складывается редко: мне часто делали предложения. Подруги даже шутили, что я слово какое-то знаю...

— Как же все-таки получилось, что вы стали женой Шнитке?

— Через полгода, когда я уже училась в Гнесинке, мне понадобился учебник, нигде не могла его найти. Знакомые и посоветовали обратиться к Шнитке: "У твоего композитора точно есть". Я позвонила... Мы начали встречаться, но поженились только через год. И этот год был самым счастливым в моей жизни.

А дома у меня каждый день были скандалы с родителями из-за моих поздних возвращений. Естественно, я задерживалась, после концертов мы с Альфредом иногда ужинали вместе. И однажды он сказал: "Слушай, я сегодня пойду и сделаю предложение твоему папе".

Единственное, что его останавливало все это время, — бракоразводный процесс. Его первая жена просто не приходила в суд. После третьей неявки их развели автоматически.

Мы справили свадьбу и стали жить у моих родителей. Трудно. С родителями лучше не жить.

— Ирина Федоровна, а вы не боялись, что в жизни вашего мужа появится новая ученица?

— Никогда. Ученицы у него были и поклонницы тоже. Знакомая мне как-то рассказывала, что после концерта на поклоне на нем буквально повисла девушка. Я сказала: "Ну и что?" Альфред как-то спросил: "А ты не боишься, что меня уведут?" Я ответила: "Она уведет, а ты вернешься".

Звонки были. Я брала трубку, а женский голос капризно заявлял, что она вот уже полчаса ждет Альфреда и начинает беспокоиться, я говорила: "Ждать придется долго".

Жить с ним было нелегко. Я всю жизнь была виновата во всех несчастьях. Я отвечала и за Союз композиторов, и за нечестных людей. Он приходил домой мрачный, бросал портфель — значит, что-то случилось. А потом оттаивал. Извинялся.

...Я смотрю на нынешних молодых женщин — они ищут богатых мужей, хотя бы получить устроиться. Мне это непонятно. Может, потому, что мои родители были достаточно обеспеченны. Папа руководил заводом авиационного приборостроения. Но не поступив в консерваторию, я устроилась работать в детскую музыкальную школу. Мне еще не было восемнадцати, а материально я уже не нуждалась. Очень хотела быть самостоятельной. А "ловить" богатого мужа — как это все же оскорбительно для женщины.

— А как обстояли дела с финансами после замужества?

— По-разному. Сначала Альфред получал 105 рублей, и я семьдесят. Было время — мне не на что было купить зимние сапоги, а на улице — холод. Я носила одни и те же джемпер и брюки, которые сама сшила. И на работу, и на дипломатические приемы. Очень счастливое время.

Когда мы собрались пожениться, Альфред получил свой первый большой гонорар. На эти деньги мы свадьбу и сыграли, а потом опять безденежье. У мужа были заказы и от Министерства культуры. Но требовались ура-патриотические произведения. И он всегда отказывался. К тому же его полужеврейское, полунемецкое происхождение многих раздражало.

— А как это проявлялось?

— Долгое время Союз композиторов не давал разрешения на создание своего оркестра. Нас не выпускали за границу, когда Альфред уже признали на Западе.

— Поэтому вы эмигрировали в 89-м?

— Мы никогда не собирались уезжать из России. К моменту нашей поездки в Германию, куда мужа пригласили на год, он уже уволился из консерватории. Другие получали звания, большую зарплату, а ему — ничего. И он ушел. А потом, когда мы жили в Берлине, в Москве началась неразбериха. Друзья, родственники советовали нам не возвращаться, и мы остались. Но все время жили на две страны. Две недели в Москве, две в Гамбурге, месяц тут, месяц там. Я и сейчас продолжаю так жить.

— Вы все время говорите о самостоятельности, личном росте... А как же ваша музыкальная карьера?

— У нас был один роуль на двоих. Альфред заканчивал работу и выходил из комнаты со словами: "Роуль твой". Я играла Шостаковича, Рахманинова — но это мешало ему сосредоточиться. И я перестала играть. Я ничем не жертвовала, просто так решила. Сначала мне предлагали выступать. И я соглашалась, мне хотелось принести домой свои деньги, настоящий заработок. Как-то раз я уехала на гастроли по Сибири, и Альфред устроил скандал. Сказал, что не может сочинять, когда меня нет рядом. И что я должна или уйти, тогда он сможет перестроиться, или не уходить никогда. Еще до свадьбы я с мамой уехала на юг отдыхать, и он прислал телеграмму, что не может работать, когда меня нет, и поэтому выезжает к нам. В результате я начала заниматься домом. У меня всегда был готовый обед на столе, я сама готовила, занималась хозяйством. Гвозди в нашем доме тоже забивала я.

— Он посвящал музыку вам?

— Когда я закончила институт, он написал для меня пьесу, потом сонату... номер два. И еще один концерт для фортепьяно. Все.

Однажды мне предложили сыграть одну вещь, очень сложную, и времени для репетиций не оставалось. Я расстроилась, отказалась. Он ругался, буквально вынудил меня сесть за инструмент. Говорил, что чувствует — меня грызет то, что я не состоялась, и хочет, чтобы я выступала.

— А сколько вы ждали этих слов?

— 15 лет.

— Сейчас вы играете?

— Да. Его произведения...

— А в стену не стучат?

— Стучат. И раньше стучали, в Москве. И в Гамбурге. Я живу в доме для богатых людей, но музыка для них ничего не значит.

Наверное, поэтому я перестала преподавать в музыкальной школе — нельзя заставлять детей заниматься музыкой, если у них нет желания. Этим можно только отбить всякую любовь к ней. Наверное, из таких детей и вырастают взрослые, которые потом стучат по батарее.

— А чем занимается ваш сын?

— Андрей никогда не хотел прикрываться именем отца. И увлекся совершенно непонятным для нас предметом — биохимией. Его приглашали делать доклады на конференциях. После одной из них к Альфреду подошел человек и спросил: "Скажите, а вы отец того самого молодого человека, который делал доклад?" Потом Андрей бросил институт, начал играть на гитаре в рок-группе, писал песни. А однажды позвонил и сказал, что пишет музыку для кинофильмов. Получилось очень удачно, но кто-то из "доброжелателей" за его спиной проговорил: "Видно, не без папиной помощи". Андрей очень болезненно среагировал и больше музыку не сочинял. Занялся фотографией. У него свой стиль, его работы побеждают на конкурсах.

— Ирина Федоровна, а если представить вашу жизнь со Шнитке как музыкальное произведение, какой это был бы жанр?

— Конечно, симфония. Трагедийная, драматическая.

— Потому что последние годы вашей совместной жизни были очень тяжелыми?

— Нет. После второго инсульта муж просил его не вытаскивать. Но как я могла? Я привозила его в Москву. К очень хорошим врачам, они его спасли.

Парализовало правую сторону, он потерял речь. Но продолжал сочинять музыку, делал записи левой рукой. В доме всегда было много людей. Муж общался с ними. Если есть взаимопонимание, то слов не нужно.

Бродский подарил ему пять своих книг. И я читала стихи вслух. И только тогда поняла Бродского. Именно в тот момент.

— Вы думали о том, чтобы снова выйти замуж?

— Перед смертью, в субботу, Альфред позвал меня и сына. Говорить он не мог. И кивком головы соглашался, если мы понимали правильно. Он начал мне жестами разъяснять, что я не должна жить одна. Я показала на сына, сказала, что буду жить с ним. Альфред заматал головой: "нет не с сыном, с другим мужчиной". Я очень удивилась такому его решению, он всегда был очень ревнив, а тут такое. С чего он взял, что в моей жизни может появиться кто-то другой?

...Когда я выхожу после концерта одна и сажусь в машину одна, мне неуютно. Я не привыкла появляться на людях без мужа. Иногда хочется поговорить с кем-нибудь так, как ни с кем, кроме близкого человека, не поговоришь... Нет, снова выйти замуж никогда не думала.

Последняя, девятая симфония Шнитке до сих пор не исполняется. Были попытки расшифровать авторскую нотную запись, но довольно неудачные. Его жена считает, что когда-нибудь сможет сделать это сама.

Как-то Ирина Шнитке обронила фразу, даже скорее фразеологизм: "Легко ли было жить со Шнитке? Легко. Идет дождь. Кто в этом виноват? Конечно, я..."

Надежда АРАБКИНА.